

УИЛЬЯМ МОРРИС

ВЛЮБЛЁННЫЕ В ГЕРТУ

Часть сборника: Воды Дивных Островов (сборник)

Уильям Моррис
Влюблённые в Герту

«ЭКСМО»

1856

Моррис У.

Влюблённые в Герту / У. Моррис — «Эксмо», 1856

«Давным-давно существовала на свете такая прекрасная страна – не стоит допытываться, в каких временах и краях, – где было приятно жить, где в обилии родилась золотая пшеница, где росли прекрасные частые леса и текли широкие реки и милые извилистые ручьи; по одну сторону землю эту ограничивали волны Пурпурного моря, а по другую – торжественный строй Пурпурных гор...»

© Моррис У., 1856

© Эксмо, 1856

Содержание

Глава I	5
Глава II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Уильям Моррис Влюблённые в Герту

Глава I У реки

*Все мысли, страсти, весь восторг¹,
Рука, плечо, ладонь –
Всё служит одному – любви;
Во всем её огонь.*

Кольридж

Давным-давно существовала на свете такая прекрасная страна – не стоит допытываться, в каких временах и краях, – где было приятно жить, где в обилии родилась золотая пшеница, где росли прекрасные частые леса и текли широкие реки и милые извилистые ручьи; по одну сторону землю эту ограничивали волны Пурпурного моря, а по другую – торжественный строй Пурпурных гор.

И вот однажды, летним утром, посреди этой доброй земли, возле дома в красивой долине сидела девица и работала иглой, а сама думала о другом – как заведено у женщин. Была она дочерью простого селянина, правившего по бороздам в доброй земле, рыбачившего в Серебряной речке, что текла мимо его домика к далёкому городу. Жил он, день ото дня встречаясь с немногими людьми: то с одним или двумя соседями, жившими в домиках неподалёку, то со священником, служившим в крохотной церквушке, то с ремесленником, странствовавшим в поисках работы, – кроме тех времен, когда ему приходилось воевать, ибо, как и всякий житель той страны, при необходимости он становился воином. Жена его уже пять лет как умерла, и он жил с одной только дочерью, девицей чрезвычайно прекрасной, невзирая на столь низкое происхождение, – и не просто прекрасной, а скорее величественной, ну прямо как какая-нибудь королева; подобная женщина способна вдохновить целый народ на отважные и мудрые деяния.

О чём же размышляла она, сидя за работой в то ясное утро, окружённая птичьим щебетом и плеском лёгких зелёных волн, набегавших на белый речной песок под дуновением сулящего ласковую прохладу западного ветерка? О чём же она думала? Конечно же, о хорошем. Потому что страна, где она обитала, – милая, крошечная страна, – всегда привлекала к себе внимание деспотов-королей, правивших окружающими её землями. Они всегда затевали войну, никогда не добивались победы, хотя время от времени им и удавалось взять верх в одном или двух кряду сражениях, и при этом они брали чистым числом, ибо народ, обитавший в этой доброй земле, был не чета своим ленивым и угодливым соседям. Герта – так звали её – могла спеть множество песен о том, как давным-давно её народ приплыл в этот край из далёких морей, где покрытые снегом сосновые леса, подобные загадочным, полным тайн чертогам, тянутся на многие лиги над оледеневшими водами вдоль берегов, послуживших колыбелью могучему племени. Тогда-то под парусами на кораблях, ошестинившихся пылающей сталью, герои приплыли в эту землю с жёнами и детьми, вступив в отчаянную войну с дикими зверями и перво-

¹ Цитируются строки, открывающие стихотворение Кольриджа «Love». Приводим здесь эти строки на исходном языке и в переводе С.Я. Маршака (около 1915 года). All thoughts, all passions, all delights, Whatever stirs this mortal frame, All are but ministers of Love, And feed his sacred flame. Восторги, страсти и мечты, Все, что волнует нашу кровь, – Питает ясный, чистый свет Твоих лампад, Любовь.

бытными болотами, населёнными драконами и извергавшими голод и смерть во всех её уродливых формах...

Но племя героев всё умножалось числом, ибо Господь благословил сей народ, а те, кто обитал вблизи от Дикарской земли – так её звали, – становились всё более и более похожими на этих людей; добрая власть их всё распространялась, и посему со временем они поверили, что когда-нибудь обойдут весь мир и, отправившись на запад, вернутся домой с востока. Рассудите же, как деспоты-короли боялись этих людей. Поймите же, и насколько туго эти владыки натягивали цепь своей власти над миллионами своих жалких подданных, от страха становясь всё более и более жестокими. Многие находили гнёт нестерпимым и низвергали их власть; так, злом и добром, Божье королевство росло.

А теперь представьте себе, какие рати выходили против этой доброй земли, какие долины бывали покрыты мечами, копьями, шлемами и костями мужественных бойцов; как прежде безымянные, известные лишь по изобилию того или иного дерева, вмещавшие в себя ту или иную речку, они становились памятными на все времена и не забытыми в вечности.

Представьте себе отчаянные сражения на коварных и скользких бродах, круглую гальку под торопливыми ступнями мужей, сражавшихся за свою жизнь, а ещё за нечто большее, чем жизнь, среди пляшущих и багровых волн под сырым и ржавым, утренним февральским сумраком; или в густых лесах, освещённых летним закатным солнцем, опускающимся в грозовую тучу; или у подножия шиферных утёсов; представьте крики, мечущиеся между обрывов, гневный грохот скал, низвергаемых в запруженную людьми тьму, бесполезные стрелы – ибо им не пронзить гору и не долететь до стоящих наверху горцев, охваченных свирепым ликованием.

Представьте себе всё множество голов, старых и молодых, прекрасных и так себе, оплаканных – без скрытой радости и от чистого сердца; что там – Бог ведает, с какими терзаниями, или хотя бы с любовью, не опороченной ни одним позорным и недостойным воспоминанием. Представьте себе и тех, кто не брал в руки ни меча, ни копья, но также принимал на себя тяжесть многих битв, терпеливо и мучительно ожидая, не теряя надежды и в горе разлуки никогда не забывая о верности.

Разве не о чем было подумать Герте, усердно трудившейся возле лижущей белый песок воды? Ибо люди эти были настолько прочно связаны друг с другом, что испытываемую ими друг к другу любовь пронизывали жуткие и героические деяния, любого из которых было бы достаточно для размышлений на целую жизнь. Почти каждый мужчина этого народа был героем, годным в собеседники ангелам, и все они не только помнили о славе своих отцов, но и о том, что обязаны не посрамить её собственными делами, а женщины со своей стороны знали, что должны стать женами отважных мужей и матерями храбрецов.

Посему Герта распевала простые, но возвышающие дух песни о подвигах прежних времен и всем своим сердцем размышляла о них. Разве она, слабая женщина, не видела вражеские корабли на берегу того островка, и разве не видела она потом, как горели эти суда? Разве обугленные доски их, прежде выкрашенные в красный и чёрный цвета и нёсшие ужас ленивым и мирным жителям островов, не доживали свой век на том берегу под пологом ползучей брионии²? Разве не сверкала радость в её глазах, разве не румянились лоб и щёки, не прыгало сердце, не вздымалась грудь, пока боевая музыка становилась громче и приближалась с каждым мгновением, и, наконец, разве не она увидела своих дражайших соотечественников, ведущих между собой пленников, а белое с красным крестом знамя плыло над всеми, благословляя равным образом и рыцаря, и морехода, и крестьянина; и когда она увидела своего дорогого-дорогого отца, отважного среди отважнейших, шествующего с ясными глазами, а на губах его лежало радостное победное ликование, пускай доспехи его обагрят не только кровь

² Бриония белая (переступень, «адамов корень») – травянистое ядовитое растение, которое использовали в медицине как болеутоляющее средство, а также для лечения паралича, эпилепсии и других болезней.

врагов, но и собственная? Разве она не пела тогда радостным и звонким голосом, а западный ветер веселился вместе со всеми и нащёптывал ей слова о земле обетованной? Она пела о короле, жившем в давние времена, муже мудром и отвагой превосходившем всех прочих, предательски убитом во время охоты лазутчиками врага – убитом на самой высоте мудрого и добродетельного правления, – одну из тех песен, которыми народ до сих пор чтит его память. Словом, она вдруг услышала голос труб, конную поступь, выводя звонким голосом:

Ехал король на охоту раным-рано,
Ехал король на охоту по жемчугу, по росе.
Пала другая роса, и у каждого в сердце рана,
Тяжкое горе пережили мы все.

И в самом деле, мимо неё на охоту ехала большая компания; медленно шли шагом кони между девушкой и рекой, так что Герта видела всех совершенно отчётливо, а в особенности – двух знатных рыцарей, ехавших впереди; один из них, весьма величественный и благородный, одновременно казался способным пробиться сквозь самую гущу битвы, завернуть обратно бегущих в отчаянии с поля боя и стать вместе с ними перед лицом преследующего врага, удерживать на месте дрогнувшие в сражении ряды, вселить отвагу в сердце любого воина. Словом, представьте себе подобного витязя, наделённого к тому же такой красотой, что движения его казались музыкальными фразами; глаза его смотрели ласково, а утреннее солнце с любовью касалось золотых волнистых волос. Тот, что ехал возле него, был пониже и поуже в плечах, меньше телом и лицом, и – как будто бы – душою и сердцем тоже. В глазах его угадывалось тревожное беспокойство, он поджимал тонкие губы, словно бы пытаясь сдержать слова, которых не следовало произносить; а иногда – как странно – взгляд его менялся, глаза более не метались по сторонам, и тем не менее – на лице его появлялось больше рвения и странного беспокойства; тонкие губы чуть разделялись и как бы хотели произнести нечто, не желавшее оставлять его сердце. Однако глаза богатыря оставались спокойными, он не прикусывал полную губу под ясным, широким белым челом, в то время как лицо его спутника казалось землистым, лоб его был сразу и ниже, и уже, а лицо усеивали морщинки, созданные отнюдь не возрастом, потому что он был не старше другого.

Словом, они отъехали, и, когда голос труб растаял вдали, Герта занялась домашними делами; и всё же весь тот день – как ни пыталась она прогнать из своих глаз это видение – величественный муж с золотыми волосами всё стоял перед её глазами.

* * *

Когда свечерело и солнце склонилось к горизонту, охотничья кавалькада вновь проехала мимо незаметного домика; растерявшие всех спутников рыцари ехали неторопливо, и усталые кони их повесили головы.

– Сир, куда мы едем? – спросил низкий и смуглолицый. – И с какой стороны будем объезжать этот бук, низкий сук которого вот-вот, по-моему, зацепит ваш нос? Ага!

Голова его пригнулась, и вовремя – буковая ветвь осталась позади.

Спутник его молчал, он явно не слышал слов своего друга, ибо негромко напевал себе под нос.

Ехал король на охоту раным-рано,
Ехал король на охоту по жемчугу, по росе.
Пала другая роса, и у каждого в сердце рана,
Тяжкое горе пережили мы все.

Этот куплет он пропел дважды или трижды, клонясь головой к седельной луке; второй же рыцарь посматривал на него то ли с улыбкой, то ли с насмешкой на губах и в глазах. Тут золотоволосый повернулся и сказал:

– Прости, Льюкнар, ты что-то говорил, а я не расслышал; ум мой странствовал не в этом лесу, а далече... неведомо где. Льюкнар, нам сегодня не найти остальных. Давай поищем отдыха в этом домике, который проезжали сегодня утром: похоже, в окрестностях нет другого жилья.

– Да, господин мой Олаф, – ответил Льюкнар и вновь с горечью улыбнулся, когда напекор сумраку, хотя солнце уже село низко, а вокруг друг к другу теснились буки, заметил густой румянец, вдруг покрывший лицо Олафа.

– Конечно, почему, собственно, нет? – и с этими словами он разразился странным смехом – не весёлым, не дерзким, а просто печальным; ибо Льюкнар много размышлял о мужских обычаях и находил в них немало забавного для себя. Тем не менее в голосе его против собственного желания звучала печаль; ибо он был не из тех, кто создан, чтобы смеяться. Но главной причиной этого смеха служило то, что, как оказалось, оба они не забыли тот утренний час и деву, в одиночестве сидевшую возле реки. Отъезжая от лужайки, оба они за нарушавшим лесную тишину лаем собак и пеньем рогов видели внутренним взором темноволосую красавицу, сидевшую и певшую у воды, не отрывая глаз от кого-то из них. Оба они стремились вернуться к этому дому, а посему тащились следом за всей охотой и, наконец, отстали от неё – не без собственного желания, и при этом ни тот, ни другой не хотели сейчас признаваться в таком умысле своему спутнику; Льюкнар не хотел бы признаться в нём и самому себе – вот потому-то он и смеялся, и в голосе его звучала странная печаль.

Но Олаф понимал, что влюбился, и весь день он с восторгом лелеял своё чувство; смех Льюкнара заставил его покраснеть ещё и оттого, что им обоим редко приходилось тратить много слов, чтобы объяснить другому свои чувства; так было, конечно же, и на этот раз. В смятении он повесил голову – золотые локоны, рассыпавшись, смешались с вороной гривой – и буркнул под нос:

– Льюкнар, ты – странный человек, хоть и хороший. Поехали.

– Да, в тот сельский домик, мой господин, – сказал Льюкнар, подняв голову и поглядев вперёд, губы его на этот раз сложились не в улыбку – в насмешку. Тут и Олаф пружиной распрямился в седле и торопливо огляделся по обеим сторонам, словно бы его врасплох ужалила какая-то муха. Оба они развернули коней и неторопливо направились в сторону домика. Льюкнар завёл резким голосом: «Ехал король на охоту раным-рано...»

– «Но уже... пала другая роса», – он пробормотал негромко, и Олаф искоса бросил на спутника недоверчивый взгляд. Вскоре они вновь услышали плеск речной волны по песку серебряной заводи; вода опустилась, потому что задул ветер, а когда луна уже начинала золотиться, они натянули поводья возле домика. К двери подошёл Сигурд, отец Герты; он любезно придержал стремя, пока рыцари спешивались; а после вошли и сели за трапезу, какая нашлась у этого селянина, а Герта им подавала. Но потом они попросили девушку сесть вместе с ними; наконец, отказываться стало уже неловко, и она застенчиво опустилась на лавку.

Когда все насытились, Сигурд сказал:

– Прошу вас, прекрасные рыцари, поведайте мне, о чём говорят в городе, если вы оттуда. У нас поговаривают о новой войне, но ещё робко.

– Ну, в городе, – ответил Льюкнар, – тоже слышно о войне, ходят слухи и о великом сговоре среди окружающих нас правителей. Император утверждает, что наша долина всегда принадлежала ему, хотя предки его не слишком-то нуждались в ядовитых болотах по обоим берегам реки, или хотя бы не заявляли об этом. Но теперь он решил забрать своё любой ценой, если только сумеет, и идёт сюда – ведь другого пути нет – через горные перевалы. Лорд Эдольф

вышел навстречу ему с десятитысячной ратью и намеревается уладить спор с ним таким образом: если эта долина принадлежит императору, значит, он должен знать путь, ведущий в неё, и доказать свою власть – если только преодолее горы не в виде трупа или пленника.

Сигурд и Олаф мрачно усмехнулись выдумке Льюкнара, а глаза Герты вспыхнули; оба же рыцаря, забыв о себе, смотрели на неё.

– Ну, а что скажете вы, прекрасные рыцари, – вновь спросил Сигурд, – о молодом короле? Каков он из себя?

Тут глаза Олафа блеснули, и Льюкнар понял, что тот хочет ответить, и не стал мешать, приглядывая за спутником со странным удивлением на лице.

– Его считают отважным и мудрым, – молвил Олаф, – и молодость, надеюсь, сулит ему долгую жизнь, однако он крайне уродлив.

Тут он с улыбкой повернулся к другу. Сигурд вздрогнул, не скрывая разочарования, а Герта побледнела, вдруг поднялась со своего места и более уже не опускалась на него. Тогда Олаф понял – девушка догадалась о том, что он-то и есть король, и почему-то утратил склонность к шуткам, сделавшись величественным, торжественным и молчаливым. Но Льюкнар много говорил с Гертой, и слова его казались ей весьма мудрыми, только она не помнила того, что говорил он, едва слышала его речи, потому что КОРОЛЬ был с ней рядом... Король всего дорогого ей народа, но превыше всего – её собственный король.

Бедная дева! Ею овладела полная безнадёжность.

«Нет, – сказала она себе. – Даже если он признается мне в любви, придётся забыть о собственном чувстве. Что скажут люди, если король столь великого народа возьмет в жёны крестьянскую девчонку – не учёную, не богатую и не мудрую – только из-за милого личика? Ах, в этом мире нам суждена вечная разлука».

А король Олаф сказал себе так:

«Выходит, и Льюкнар тоже полюбил её. Но эта любовь способна преобразить его; пусть же он и получит девицу. Бедняга! Немногие любят его. Всё-таки она – крестьянская дочка, а я – великий король. И всё же она благороднее, чем я при всём моём королевском достоинстве. Увы, я боюсь людей, но не ради себя – ради неё. Они не поймут её благородства, они заметят лишь внешнее: кажущуюся мудрость, кажущуюся доброту, которая, возможно, не превысит отпущенной обычной женщине, как того требует жребий королевны. Тогда со временем, если я не сумею целиком занять её сердце, ей надоест наша дворцовая жизнь; она начнёт тосковать по отчему дому, по старым привычкам, а в этом печаль, в этом – смерть и долгие годы отчаянного сопротивления... ужасная тяжесть для её сердца. И тем не менее, если бы я знал, что она действительно любит меня, обо всём этом можно было бы и забыть; однако откуда в ней может взяться любовь ко мне? Ну, а если она не любит меня, то какова надежда на то, что полюбит? Ведь совершенно различный образ жизни не позволит нам встретиться снова. Вот Льюкнар – дело другое, он может являться сюда снова и снова. Потом, он мудрей. Ах! Насколько же он мудрее меня, он умеет думать и говорить, а я – простой, обычный солдат. Как же изменить его жизнь, если он найдёт здесь безграничную любовь, которая разделит его мысли и, как говорят люди, сольётся с ним воедино? Да, пусть Льюкнар получит её».

Все трое сохраняли внешнее спокойствие! Но какие бурные страсти, какие неукротимые желания в тот вечер наполняли их сердца! Льюкнар, по виду поглощённый непринуждённой дружелюбной беседой, рассказами об отважных деяниях, как бы погружённый в них всем своим сердцем, обратившийся к куда менее вычурному языку, чем было для него обычно, тем не менее твердил себе: «Она должна понять, что я люблю её. Уже и не помню, когда я так говорил».

Бедняга! Откуда ей было понять это? Голос его доносился до Герты, словно из глубин сна, казался величественной музыкой, пробуждающей человека. Воистину, доблесть, переполнявшая повествования Льюкнара, как бы разлучаясь с ним, переносилась к Олафу и окружала того

невидимым светом. Герта угадывала его имя во всяком повествовании далёкого Льюкнара, присутствовавшего здесь в меньшей степени, чем его рассказы. Какая бы опасность ни нависла бы в них над отважными воинами, сердце её колотилось в страхе за него одного: широколобого, златовласого героя. Забывая о речах Льюкнара, она мечтала пасть перед Олафом, признанием заслужить его любовь или умереть. Разве могла она думать о Льюкнаре? Но Олаф думал о нём, прекрасно видел, о чём размышляет Льюкнар за всеми речами; и со своей стороны хотя и молчал – пусть всё, что говорил себе самому, касалось самого дорогого в его жизни, – но на самом деле просто задыхался от огненных порывов, которые можно было сдержать только огромным усилием.

Олаф изо всех сил старался заглянуть в сердце Льюкнара, представить себе одиночество этого человека, его удивительную способность устремить все свои мысли, любую, даже малую искорку чувства к одной цели. Олаф вспоминал, как в минувшие годы Льюкнар с тем же рвением цеплялся за знания; как накопленные познания, в конце концов, овладели им, делая от года к году всё более одиноким, как они научили его презирать остальных людей – ибо они не ЗНАЛИ. Он вспомнил, не без боли, что некогда Льюкнар презирал даже его; да, Олаф мог теперь вспомнить всю горечь этого времени; как надменность овладевала другом, как он сопротивлялся ей – но тщётно; мог вспомнить день, когда Льюкнар высказал своё пренебрежение открыто, не скрывая горького презрения к себе самому и собственной гордыне. Вспомнил он и про то, как Льюкнар вернулся потом к нему – когда изменило знание, – однако прежние отношения не могли возвратиться. Вспомнил Олаф и многие битвы, в которых они бились рядом и Льюкнар проявлял не меньшую, чем он, отвагу – но с тем же пренебрежением к себе, которое заставляло его презирать собственную доблесть, в то время как Олаф восхищался своей и почитал чужую. Потом он вспомнил, как сделался королём и как уважение соотечественников после этого времени преобразилось в истинную любовь. И за всем этим он пытался понять Льюкнара, что было для Олафа не столь уж сложно, ибо отсутствие эгоизма в душе помогло ему достичь той могучей силы сочувствия к людям, которую не могла одолеть и даже самая могучая страсть. Так что он тоже думал, и мысли эти, скрытые от окружающих, не были предназначены для произнесения вслух.

Так прошёл вечер, а потом они отправились отдыхать, насколько это было возможно. Утром же – в самую рань – их разбудил голос трубы, разносившийся над всем речным берегом. Встав ото сна, Сигурд вместе с рыцарями направился навстречу трубе, зная, что даёт она дружественный сигнал. Там их встретил отряд рыцарей в полном вооружении, немедленно остановившийся при одном виде гостей Сигурда.

– Король Олаф, – сказал предводитель, старый и седовласый рыцарь, – слава Богу, что мы отыскали тебя! Потеряв тебя в лесу, мы вернулись вчера во дворец и обнаружили там четверых посланников, явившихся с объявлением войны от трёх герцогов и короля Борраса. Посему молю тебя – поторопись! Я уже объявил общий сбор, но время не ждёт: достойные доверия сведения гласят, что рать короля Борраса уже вышла к равнине; что касается трёх герцогов – да посрамит их Господь! – с ними разберётся лорд Хью со своим войском, или по крайней мере сдержит их натиск, пока мы не покончим с королем Боррасом. Но выступать нужно немедленно, если мы хотим перехватить его. Итак, в путь, король Олаф, и всё будет хорошо.

Тут Сигурд преклонил колена перед королём, а тот стоял, блистая глазами и грозный челом, думая только о том, что Господни враги сами стремятся к своей гибели. Но посреди всего счастья ему хотелось увидеть Герту, увидеть, быть может, в последний раз, потому что её не было рядом с ними и она не оставила дом вместе с отцом.

Поэтому король печально улыбнулся, услышав, что Сигурд просит прощения за дочь, по его слову – устранившуюся столь великого мужа. Олафу-королю всё хотелось узнать, что она любит его – пусть он и был готов отказаться от Герты, как говорил себе, не признавая, насколько нужна ему эта любовь.

Потом он хотел одарить Сигурда деньгами и самоцветами, но тот ничего не взял, и только потом вынужден был принять кинжал короля с замысловатой стальной рукоятью.

А потом они вместе отъехали: старый Барульф ехал возле стремени короля, с рвением обсуждая предстоящие битвы, но Льюкнар держался позади и никому не говорил даже слова.

Глава II

Скачка Льюкнара

А потом день за днём каждый из них просто исполнял свой долг, чтобы встретить врага, как подобает. Но за всеми делами Льюкнар не знал покоя и вёл себя странно; он то застывал на месте, то бросался куда-то в сторону; однако король хранил внешнее спокойствие и держался приветливо, какая бы страсть ни палила его изнутри.

Но однажды на досуге, выглянув из дворцового окна, почти скрытого жасмином и ломоносом³, он услышал конский топот и вдруг увидел Льюкнара на добром коне, хмурого, решительного, в лёгком вооружении, готового отъехать – в прекрасно известное Олафу место.

Острая боль пронзила сердце короля, голова его закружилась, мысли в ней перепутались. За стеблями ломоноса и его закругленными усиками, за туманом, исходившим из собственного сердца, он едва видел, как Льюкнар подобрался в седле, дёрнул уздечку, и, когда конь взял с места в галоп, Олафу стало плохо, сильные руки его задрожали, и сквозь кружение в мозгу и звон в ушах он услышал собственный крик:

– Поторопись, сэр Льюкнар, со своим сватовством.

Этого оказалось довольно: сердце Олафа упало, и страсть остыла за ту секунду, когда он увидел, как страшно переменилось лицо Льюкнара, прекрасно разобравшего эти слова; если прежде было оно обеспокоенным, то каким же стало в тот миг, когда вся суть этого человека проступила на этом малом комке глины... на лице его?

Развернув коня, Льюкнар направился обратно. Олаф ожидал его, поначалу едва понимая, что делает; тем не менее, через какое-то мгновение мысль о близкой смерти – быть может – успокоила мозг и отогнала страсть. Скоро за дверью послышались размашистые шаги, и Олаф спокойно направился к ней, где и столкнулся с Льюкнаром. Зубы того были стиснуты, губы чуточку приоткрыты, из груди вырывалось резкое, но сдерживаемое дыхание, чёрные горящие глаза мрачно глядели вдаль из-под тяжёлых бровей.

³ Ломонос (клематис) – дикорастущий вид лианы, широко используется в декоративном садоводстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.